

Игорь Игнатенко

Игорь Данилович Игнатенко родился 4 мая 1943 года в с. Ромны Советского района Амурской области. Семья его отца, жившая на Украине, в войну три года находилась в оккупации. Сестра отца Елена и младший брат Иван были угнаны в Германию. Елена дважды сбегала из плена и чудом осталась жива, а Иван погиб от пуль охранников. Отец, Даниил Сергеевич, по образованию фельдшер, был призван в армию на Дальнем Востоке, получил звание лейтенанта и служил начальником медсанбата в одной из частей. Несмотря на все рапорты с просьбой отправить на фронт, был оставлен в тылу и назначен заведующим Ромненским районным отделом здравоохранения. На этом посту встретил День Победы.

Во вступлении к трёхтомнику И. Игнатенко «Избранное» заведующий кафедрой литературы БГПУ доктор филологических наук А. Урманов написал: «Поэт не воёвал – поздно родился, но зато видел собственными глазами последствия войны: хлебнувших лиха бывших фронтовиков, калек, выставки трофейной немецкой техники. Война убила, покалечила, угнала в плен родных ему людей. Стихи о Великой Отечественной – одни из лучших в его творчестве. Секрет их пронзительной силы – в выведенных героях: непридуманных, неповторимых, живых. Правдивость, достоверность историй, человеческих судеб, характеров, подлинность психологии и речи героев произведений о войне – главная причина творческого успеха автора».

Член Союза писателей России. Автор двадцати одной книги стихотворений и прозы. Дважды лауреат Амурской премии в области литературы и искусства за книгу стихотворений «Прощай...» (1995) и цикл стихотворений «Колокола» (2009).

Стихи. Рассказ

Шрамы земли

МЕТЕЛЬНЫЕ СНЕГА

Пришли снега метельные, большие,
Завесили морозный окоём,
И ты стоишь, красавица Россия,
В пространственном величии своём.

Молчат твои застынувшие реки,
Дрожат твои озябшие леса,
Но в каждом встречном добром человеке
Улыбка не покинула лица.

Своим друзьям ты стелешь путь приветный
И заметаешь с головой врага.
Гудят твои разгонистые ветры,
Метут твои чистейшие снега!

И снеговой завесой над страной
Идут года под колокольный звон.
Вот так же в сорок первом под Москвою
Сама природа встала на заслон.

Метель ждала решительного мига,
Тая свой гнев в слепящей снежной мгле,
И хоронила рыцарей блицкрига,
И бинтовала шрамы на земле.

СОЛДАТ В ОКОПЕ

Окоп копаю. Может быть — могилу.

В. Субботин

Вязла лопата в грубом суглинке.
Ладони кровавили волдыри.
Из-под ног уходила земля.
Снег взлетал и клубился.
Метель затевала поминки.
На западе таяли осколки зари.
Василий в окопе под свист февраля
И чертыхался, и Богу молился.

Гаубицы рывкали, как голодные псы.
Отвесно падали и взрывались снаряды.
По теории вероятности окоп уязвим,
Но возможность попадания всё же ничтожна.
Строчили секунды, стучали часы.
Взрывы буравили почву рядом.
Но солдат, невидимым Богом храним,
Родимой землицей сберегался надёжно.

А когда в атаку немцы пошли,
Из «шмайсеров»* свинцом поливая,
И в траншеях свирепел рукопашный бой
В защиту отечественных святынь,
Вырос Василий из мёрзлой земли
И, фашиста в отверстый окоп увлекая,
Рубанул промеж глаз могучей рукой:
— Вот и могила тебе.
Аминь!

* «Шмайсер» — немецкий автомат

ТОРПЕДНАЯ АТАКА

Посвящается

*дяде Ивану Трофимовичу Игнатенко,
мичману торпедного катера,
кавалеру медали Нахимова*

Когда, взревев надсадно дизелями,
Торпедный катер вышел на редан*,
Буруня волны, словно ураган,
Ища свой фарт над минными полями,
Тогда ты верил: пан или пропал!
Наперерез немецкому конвою
Ты катер вёл недрогнувшей рукою,
Как будто в сечу на коне скакал.
Фанерная скорлупка, смерч на час,
Чей корпус сделан на живую нитку.
Его прошьёт не только что зенитка —
Турели пулемёта зоркий глаз.
Но, совершив у цели разворот,
Пли! — с двух бортов по вражьему линкору,
Чьи пушки били по тебе упорно
И мазали под возгласы: «Main Gott!».
Секунды...
Миги...
Крохи бытия...
Громада взрыва пополам ломала
Плавучую утробину металла,
Врага в солёных волнах хороня.
Не камикадзе, нет, ты был умён
И жить хотел.
За дымовой завесой
Укрылся, свой манёвр исполнив с блеском,
И возвратился цел в дивизион.
На Чёрном море братских нет могил,
Но каждый раз, домой вернувшись с битвы
По лезвию сразить готовой бритвы,
За той завесой, на волнах прибитой,
Друзей своих ты тоже хоронил.
Еще не скоро горькое вино
Ты выпьешь в честь ликующей Победы.
Летят года, как грозные торпеды.
Со свастикой суда идут на дно!

* Редан — выступ на днище катера

СТАЛИНГРАД

Разведчику Терентию Данилову

1.

Горела Волга.
Зеркало реки
Всю ненависть народа отражало.
Земля качалась, дыбилась, дрожала.
Ни шагу вспять! —
Россия так встречала
Отборные немецкие полки.

Ты послан был на Тракторный завод
С одной задачей: огневые точки
Определить — и в часть доставить срочно
Их схему этой воспалённой ночью.
К броску твой полк готовился вперёд.

Легли в планшетку кроки вражьих гнёзд.
Твой путь лежал по каменным руинам.
Ещё не скоро ты пройдёшь Берлином
На фронтовом пути, как вечность, длинном.
Да и дойдёшь ли? — вот ведь в чём вопрос.

Но если решено, то значит — да!
Пусть холоден и голоден, измучен,
Со смертью в прятки ты играть обучен,
Мать родила тебя таким везучим,
Тебе лишь двадцать — смелые года!

И нет таких немыслимых преград
На всём пути, перед тобой лежащем,
От минных взрывов гибельным, пропащим
Берлином будешь ты идти горящим —
Вот так же, как горит наш Сталинград.

2.

А на заре уже ни выстрела, ни взрыва...
Вновь тишина вернулась гостьей незнакомой.
И воробьи ликуют: «Живы, живы, живы!»
И дождь ласкает землю после грома.

Вновь на берёзах почки красят ветки
Извечным цветом юности и роста.
Ты больше не отправишься в разведку,
Но к тишине привыкнуть так непросто.

Заря вставала голубой и алой.
И в паузе, как вечность, мимолётной
Ты ощутил в груди своей усталой
Биенье сердца — дробью пулемётной.

БЕРЛИН

Он вехой стал и означал конец
Пути на Запад от великой Волги,
Он щедро сеял гибельный свинец
В агонии смертельной и недолгой.

Прожекторы прошли ночь насквозь
И гаубицы грянули осанну
В честь Армии, которой довелось
Освободить захваченные страны.

Советский воин в логово врага
Входил, как в перекрестие прицела.
И запылала Шпрее берега,
Как мира и войны водораздела.

Три фронта собрались в один кулак
И нанесли удар громадной силы.
И Божий перст на лоб поставил знак
Тому, кто вздумал покорить Россию.

В столице Рейха был повержен враг,
Которому весна казалась бредом.
И над Рейхстагом взвился алый флаг
Знаменьем окончательной Победы!

Жизнь, как река, катила в берегах,
От грохота сражения уставшей.
И на берлинских дымных площадях
К походным кухням немцы шли за кашей.

Ещё не скоро, отряхнувши прах
С плаща на зеленеющем фольварке,
С девчуркою немецкой на руках
Советский воин встанет в Трептов-парке.

В нем позы нет, поскольку он устал,
Он не скульптурен, он из брэнной плоти.
Так трудно сделать шаг на пьедестал
На тяжелейшей фронтовой работе.

Не вечен камень, за грядою лет
Рассыплется в песок, теряя форму,
Но памяти людской предела нет,
Она хранит минувшее упорно.

ВАГОННЫЕ ПЕВЦЫ

Состав по длинным перегонам
На стыках выбивает ритм.
Певцы проходят по вагонам,
Поют, срываются на крик.

Гармонь растягивая рьяно,
Чтоб от плеча и до плеча,
Душевные откроют раны —
И песня рвётся, горяча.

Пускай мотивы нам известны,
Зато слова почти свои.
Незнаменитые, но — песни
Про ожиданья и бои.

Известно, слово может ранить,
Оно и воскресит солдат.
Легли те песни крепко в память
И до сих пор в душе звучат.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

На границе тучи ходят хмуро.
Наступил последний год войны.
У высоких берегов Амура
Собрались Родины сыны.

Дан приказ: японцев бить в Китае —
Это Сталин приказал отец.
Мы на мушку взяли самураев,
Всем квантунцам наступил конец!

В Благовещенске полки стояли,
Переправу делали в Хэйхэ.
Самураи с дотов в нас стреляли,
Мы на баржах плыли по реке.

Переправу кончили мы срочно,
И пошёл, командою взметён,

По родной земле дальневосточной
Броневой ударный батальон!

В Харбинé был штаб японский главный,
Он атаки нашей не сдержал.
Харакири сделал себе саблей
Самурай Танака-генерал.

Били немцев, били самураев,
Под завязку всыпали сполна.
Наконец Вторая мировая
Завершилась грозная война.

Все, кто слушал, пусть сейчас решают,
Пел я плохо или хорошо.
За Победу выпить не мешает,
Наливайте крепкое вино.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

Скромненький синий платочек
Мне подарила жена.
И провожала,
И обещала
Помнить солдата она.

Я за Отчизну родную,
Раненый, кровь проливал.
Был я на фронте
В нашей пехоте,
Метко по фрицам стрелял.

Письма жена посылала,
Знал я, как дома дела.
Тяжко трудилась,
С голодом билась,
Верность свою берегла.

Скромненький синий платочек
Всюду носил я с собой.
Немцев разбили,
И победили,
И воротились домой.

Здравствуй, моя дорогая!
Верной была всю войну.
Я поцелую
И замилую,
Синий платочек верну.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Нас из зоны — да на фронт.
Гоп-ца, на-на!
На двоих — один патрон
И одна страна.

(Широко разводит руки)

Приписали нас в штрафбат.
Гоп-ца, на-на!
Дали старый автомат —
Воевай, шпана!

(Щурит глаз и щёлкает языком)

Кокнул фрица я в упор.
Гоп-ца, на-на!
Кровью смыл я свой позор.
Рана — вот она.

(Обнажает шрам на груди).

Обещали дать медаль.
Гоп-ца, на-на!
За отвагу нам не жаль
Выдать ордена.

(Показывает медаль «За отвагу»)

Пусть кто может, тот подаст.
Гоп-ца, на-на!
Выпью я тогда за вас
Чарочку вина.

(Снимает с головы шапку)

Вот спасибо, граждане,
Гоп-ца, на-на!
Что бойцу отважному
Верите сполна.

(Бренчит медяками)

Потому как раненый,
Помощь мне нужна.
Спасибо! До свидания!
Гоп-ца, на-на!

*(Кланяется, надевает шапку
и уходит из вагона).*

* * *

Год назад война отгрохотала.
Украина.
Нас привёз отец
с матерью,
чтобы семья узнала,
из каких краёв он был беглец
в год голодомора тридцать третий —
на восток,
на самый Дальний Схид.
Дедов дом цветеньем вишен встретил.
Был прекрасен хлебной нивы вид
зеленью озимого посева.
Чёрный хлеб мне горла не колол.
Баба Степанида пригласила:
«Ну, внучок, садись давай за стол».
Мне всего-то года три лишь было,
а, поди ж ты, помню и сейчас,
как она мой лоб перекрестила
и слезинки вытерла из глаз.
Указала пальцем на икону
с каганцом под белым рушником:
«Век живи по Божьему закону —
станешь человеком».
А потом
женский взгляд —
внимательный и нежный —
с той иконы в душу мне проник
и затронул чистых дум родник,
и посеял смутную надежду,
чем-то неизведанным маня.
И тогда я понял:
очень нужно
знать её — Мать Бога,
Мать отца,
деда Мать
и бабушки,
и мамы —
всех людей,
а значит, и меня.

СРАЖЕНИЕ В СОКОЛЬНИКАХ

Вот они, все в свастиках,
«Фокке-Вольфы»,
«Юнкерсы»,
«Тигры»
И «Пантеры»,
«Опель-Адмирал».
Я припал к прицелу,
Грозно принахмурился —
И гашетку «Мáксима» решительно нажал!
Тра-та-та! — ударили пули мои меткие.
Ба-ба-бах! — взорвались танк и самолёт.
Я веду в сражение армии советские.
Отступает Гитлер!
Сталин нас ведёт!
Всех своих противников
Победил заслуженно.
Мамой расцелован был,
Ибо я герой.

.....

Выставка трофейного
Немецкого оружия.
Май.
Москва.
Сокольники.
Год сорок шестой.

РАБЫ НЕ МЫ

*Светлой памяти дяди Ивана,
пропавшего в немецком плену,
и тети Елены, дважды сбегавшей из плена*

Его угнали в плен в семнадцать лет
Nach arbeiten — на рабскую работу.
И до сих пор пути обратно нет!
Считая годы, сбилась мать со счёта.
Украина сынов и дочерей
Молитвенно скликала на поминках,
И становились лица их черней
На пожелтевших старых фотоснимках.
Сестру Ивана — Лену — брату вслед
На грузовик конвой фашистский втиснул.

А было тётке Лене двадцать лет,
И путь лежал за Днепр, а там на Вислу.
Но девушка сумела убежать
В глухом лесу под пересвист обстрела.
Её в подполье схоронила мать,
И девушкой Елена поседела.
Доведался сосед их полицай,
Донёс.
И снова горе маме —
В неметчину, проклятый Богом край,
Отправилась Елена под штыками.
И вновь побег!
И вновь в своё село
Она вернулась:
«Спрячь от полицая...»
Но наступленье войск советских шло,
И пала оккупация лихая!
А после в плен работа забрала
В родном колгоспі*,
Сорок лет держала,
И век остатний Лена провела
В труде тяжёлом.
Значит, не сбежала...

БОМБЁЖКА

Замшелый, словно пень, Василий Крошко
Словцо промолвил звонкое: «Бомбёжка!»
Они горючий самогон с отцом
Плеснули в чарки с этим вот словцом.
«А было так, — припомнил дед Василий, —
Нас «Юнкерсы» под Киевом месили.
Забился в щель я, словно мышь в нору,
И думал: не убьют, так сам помру...»

Ребёнком я любил играть в игрушки,
Мне всё равно: бомбёжки или пушки.
На украинской на певучей мове
Не различил я ужас в этом слове.
«Бомбёжка» — это, если не игрушка,
Наверное, забавная зверушка.

* *Колгосп* — колхоз (укр.)

Мой смех отец и дед не осудили,
И вновь по полной самогон налили.
И тихо так сказал отец мой деду:
«Бог с ней, с бомбёжкой!
Выпьем за Победу».
Мелькнули годы.
Нет ни деда Крошки,
Ни моего отца,
Ни той бомбёжки.
А что же есть на этом белом свете? —
Словарь войны запомнившие дети.

«САМОВАР»

Вот припомнилось опять,
Опахнуло болью...
Лет мне было, может, пять,
Может, чуть поболее.
Я у радио сидел
Утром рано-рано.
Весь Хабаровск загудел
Новостью желанной:
Цены Сталин снизил вновь.
Погулять всем есть с чего.
Всенародная любовь
Вождю обеспечена.
Возле цирка шапито,
Где горланит рынок,
Пива много выпито
Из ковшей и крынок,
Из бокалов хрусталя
Грязного и мутного,
Посредине февраля
Снежного и лютого.
А за пивом и «сучок»* —
В горлышко лужёное.

— Приходите на «толчок»,**
Богом бережённые.
— Дореформенных рублей
Нам не суйте, граждане.
— Кто желает голубей?
Налетай, отважные!

* Сучок — дешёвая водка (жарг.)

** Толчок — толкучий рынок (жарг.)

Обносились мужики.
Вот же незадача...

— Покупайте пиджаки
И штаны в придачу!
Продавец, сильнее кричи,
Стынет хлеба булка.

— Выбирайте кирзачи —
Славная обувка!

У калитки инвалид,
Прямо на проходе.
До чего ужасный вид!
Еле дышит вроде.
На тележке, весь продрог,
Голосит гугниво,
Нету рук и нету ног —
Этакое диво!
В танке он горел, но фарт
Выпал оклематься,
Жить остался, рад не рад.
Некуда податься.
А душа еще болит,
Горе сердце гложет.
Кто накормит-напоит,
Спать в тепле уложит?
Вот ему-то больше всех
Прёт деньга наваром,
Обеспечен здесь успех
Таким «самоварам».
Гимнастёрка в орденах
Под «куфайкой» рваной.
Рядом баба, просто страх,
С шапкой ветерана.

— Энтот воин брал Берлин.
Поглядите, люди, —
Здесь он такой один.
Мы вас не забудем.
Мы в молитвах помянём
Ваши воздаянья.
Опалённому огнём —
Хошь сколь на пропитанье!
Христа ради, слышь, на хлеб,
Подайте гвардейцу!

Медяки летят на снег,
Милость ведь не целится.
Куры денег не клюют.
Счастье беззаботно.
Инвалиду подают
Граждане охотно.

Солнце смотрит на обед.
Нужда притомила.
Баба сбегала в буфет,
Шкалик притащила.
Да в гранёный стаканок
Нацедила водки.
— Пей, родимый, пей, дружок!
На, кусни селёдки...

Он в зубах стакан зажал,
Запрокинул, выпил,
Крякнул, мелко задрожал,
Капельки не вылил...
— Эх, за Родину, за Ста... —
Поперхнулся воин.
Не dokonчили уста
Имя грозное.
А товарка допила
Шкалик тот до донца,
«Самовар» свой обняла,
Плачет и смеётся.
Снег завихрил ветродуй.
Баба кроет матом:
— Пей, кормилец, закусь жуй.
Зря, что ль, воевал ты? —

Одолеть нужду вдвоём
Нынче можно смело.
Канул день за окоём,
Солнышко истлело...
Что ж, пора и на покой
В закуток в бараке,
За Чердымовкой-рекой,
Где-то там во мраке.
Средь заснеженных трущоб
Баба друга катит.

.....

Что же вспомнить мне ещё?
На сегодня хватит...

С давней горькою бедой
Спорить бесполезно.
Инвалиды с глаз долой
Быстренько исчезли.
Где и как пришёл конец
Бедолагам сирым?
Пусть хоть в памяти сердец
Остаются с миром.

МОЙ ОТЕЦ

Мой отец не воевал,
Так судьба сложилась,
В отступленьях не бывал
И бомбёжек не знавал —
Это ли не милость!

Был один на весь район
Фельдшером с дипломом.
И в больнице нужен он,
В деревнях со всех сторон
И, конечно, дома.

Дождь не дождь, и зной не зной,
Зван не зван — в дорогу!
То таёжной стороной,
То степною полосой —
К людям на подмогу.

Тут уж в плен не попадёшь,
Пуля не зацепит.
Целый день в снегах бредёшь,
Ветра слушаешь скулёж.
Кто тебя оценит?

Иногда, случалось, вброд
Двигал через речки.
Знал, его повсюду ждёт
Хворый тыловой народ,
Сострадал сердечно.

Не светили ордена
За такую службу.
Знать, не та была цена...
Ну а служба-то нужна —
В зной ли, в дождь ли, в стужу.

Он теперь уж не ходок,
Годы промелькнули...
Сделал всё, что сделать смог,
Сам под старость занемог,
Как солдат от пули.

1995

МАЛЬЦЫ НАШЛИ ГРАНАТУ

Друзьям детства,

отрокам — инвалидам войны из села Тамбовка

У Вовки Страузова нет руки...
Его дружок, Валюха Сенин, — на протезе...
В двенадцать лет такое — Боже мой!
Один безрукий, а другой хромой...
Их кольца жизни на древесном срезе
До чёткости трагичны и горьки.

Пять лет со Дня Победы пронеслось.
У ветеранов шрамы задубели.
На свет иной уходят старики.
У Вовки Страузова нет руки...
А Сенин ковыляет еле-еле...
Да как же это с ними-то стряслось?

А было так. Мальцы нашли гранату
В заброшенном и мрачном блиндаже,
Затронули нечаянно чеку —
И грянула война на их веку!
Померкнул свет в разрывном мираже,
Неся невосполнимую утрату.

Кто виноват? Усталая беспечность
Ушедших из укрытия бойцов?
Иль неслухи забыли про запрет:
Не лазить там, где разрешенья нет?
Им, выросшим без дедов и отцов,
Полшага оставалось — кануть в вечность.

Но выжили! Их ангелы витали
Над головами мальчиков в тот час,
Рука хирурга отсекала часть плоти,
Поймав их жизни на самом излёте,

Свет в их глазах воскрес, а не погас.
Об этом горе все в селе узнали.

Кладя запрет на детские забавы,
О, как кричала мать моя тогда:
«Ни шагу к блиндажам! Запру в кладовке!
Видал, что Вальке сделалось и Вовке?
Стать инвалидом в детские года!
У, неслухи! Ох, нет на вас управы!...»

Мелькали дни. Култышки зарастали.
Остались полноги и полруки,
Полдетства на двоих дружков осталось.
Привычка заменила нашу жалость.
А что дружки? Да ничего дружки!
Росли, в лапту с ребятами играли.

По мере сил копались в огородах —
Подспорье овдовевших матерей,
Ходили в школу, пели в детском хоре.
И видя их, испытывали горе
Односельчане всё слабей, слабей...
Так память нам даёт от боли отдых.

Уехал Валька Сенин после школы,
Лет через восемь, плотником на ГЭС,
Что названа легендой, возле Братска.
Он службу нёс исправно, по-солдатски,
Не отставал и в лидеры не лез.
По слухам, он женился даже, что ли...

Казалось бы, тянись-ка за дружком,
Но Страузов остался жить в селе,
Стал сторожем сельповского амбара.
Скорбел-тужил: «Распалась наша пара...»
Частенько стал ходить навеселе,
А посему захряс холостяком.

Я их давно не видел. Сердце точит
Воспоминанье нестерпимой резью.
Ау, мои тамбовские деньки!
Но помню Вовку без одной руки,
И Вальку на потресканном протезе,
И ту войну, что столько лет грохочет.